

**ВЛИЯНИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
СТРУКТУРЫ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ
ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ НА ХАРАКТЕР
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ (на примере
Тувы, Хакасии, Алтая)**

Юрий М. Аксютин

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова

Исчезновение советской надэтнической идентичности стало причиной психологического дискомфорта бывших советских граждан. Население страны обратилось к проверенным временем механизмам консолидации, в первую очередь к этнической идентичности. Это обусловило изменение ситуации в сфере межэтнических отношений. Автор рассматривает вопросы влияния процессов трансформации структуры идентичностей жителей региона в постсоветский период на характер и динамику оценок межэтнических отношений.

Материалами для анализа стали результаты социологических исследований, проводившихся автором в республиках Южной Сибири: Хакасии, Алтае, Туве в период 2013–2015 гг. Для сравнения также приводятся данные исследований других социологов, начиная с 1990-х гг.

В период 1990–2010-х гг. региональные, этнические идентичности в указанных республиках были актуальнее российской. Межэтническая напряжен-

**TRANSFORMATION
OF PERSONAL
IDENTITY STRUCTURE
IN THE REGIONS OF
POST-SOVIET RUSSIA
AND ITS IMPACT
ON INTERETHNIC
RELATIONS:
the cases of the republics of
Tuva, Khakassia and Altai**

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University
of Khakassia

The demise of Soviet supraethnic identity led to the feeling of psychological discomfort in ex-Soviet citizens. The frustrated population turned to time-tested mechanisms of consolidation, primarily to ethnic identity. This turn triggered a change in the current state

of interethnic relations. The article examines how the transformation of personal identity structure influenced the nature and dynamics of assessing interethnic relations in the post-Soviet period.

Our analysis is based on sociological research the author conducted in the regions of South Siberia (Republics of Khakassia, Altai and Tuva) in 2013-

Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6).

Аксютин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Эл. адрес: aksutum@yandex.ru

Aksiutin Yurii Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenin St., Abakan, Russian Federation 655017. E-mail: : aksutum@yandex.ru

ность на почве бытового национализма и миграционных процессов в середине 1990-х гг. в регионе достигала пиковых значений, однако редко обострялась до открытых конфликтов. Результаты опроса 2013 г. продемонстрировали, что в структуре идентичностей жителей региона, российская идентичность превалирует (32,3%), на втором месте — республиканская (21,7%), на третьем — поселенческая идентичность (15,8%). Идентифицировали себя с жителями России (37%) прежде всего русские респонденты. У тюркских этносов региона в структуре идентичностей превалировала республиканская идентичность (хакасы — 35,5%, тувинцы — 27,4%, алтайцы — 21,6%).

Межэтнические отношения в регионе в 2013 г. как респондентами, так и экспертами описывались по-прежнему в терминах «стабильной напряженности». Скрытую напряженность ощущали 40%, наличие сильной напряженности отметили 6%, и затруднились с оценкой 7,5% респондентов. Наиболее встревоженными складывающейся ситуацией межэтнического взаимодействия были тувинцы, 7,5% которых отметили наличие сильной напряженности.

2014-й г. был отмечен некоторыми подвижками в структуре идентичностей жителей и оценках характера межэтнического взаимодействия. Российская идентичность «потеряла в весе» от 2% до 10%. Анализ индекса напряженности и конфликтности выявил усиление негативных оценок характера межэтнического взаимодействия в 2014 г.

В целом жесткой взаимосвязи между процессами трансформации структуры идентичностей жителей региона и динамикой оценок характера межэтнических отношений обнаружить не удалось. Отмечаемое наличие и стабильность напряженности межэтнических отношений в республиках сегодня определяется целым рядом факторов: экономических, политических, социальных.

Ключевые слова: идентичность; этничность; межэтнические отношения; трансформация идентичности; постсоветский период; Тува; тувинцы; Хакасия; хакасы; Алтай; алтайцы; социологическое исследование

Введение

Произошедшие почти четверть века назад социальные и политические трансформации привели к качественным изменениям в жизни постсоветского социума. Они не только вызвали пересмотр существовавших социально-политических и экономических основ, но и повлекли перестройку всего

2015. For the purposes of comparison, we also cite the data obtained by other researchers since the 1990s.

From the 1990s to the 2010s ethnic and regional identities in the three regions were more conspicuous than the civic national identity. Interethnic tension fueled by migration and banal nationalism peaked in mid-1990s, but open conflicts rarely broke out. The outcomes of a 2013 survey showed that the civic Russian identity is now prevailing in the identity structure in the region (32.3% of respondents), followed by the regional (21.7%) and local (15.8%) identities. Ethnic Russians most readily identified themselves as holders of civic Russian identity (37%). Among the Turkic ethnicities (35% of Khakassians, 27.4% of Tuvans and 21.6% of Altaians), the regional identity prevails.

Both poll respondents and experts in 2013 still chose to describe interethnic relations in their regions in the terms of 'permanent tension'. 40% of them saw the tension as latent, 6% said they felt strong tension, while 7.5% found it difficult to characterize it in any specific way. Of ethnic groups within the three regions, Tuvans proved to be the most worried about the current state of interethnic relations, with 7.5% of them referring to 'strong tension'.

The year 2014 saw certain shifts in the structure of personal identities and the assessments of interethnic relations. Russian civic identity lost between 2% and 10% of its popularity. An analysis of tension and conflict index showed that negative opinion of interethnic relations was on the rise in 2014.

Overall, we did not find a direct correlation between the transformation of personal identity structure in the region and the dynamics of assessing interethnic relations in the region. The presence of permanent tension as seen by the people of a region should be seen as determined by a range of factors, including economic, political and social.

The study was supported by the Grant of the President of the Russian Federation (MK-6746.2015.6).

Keywords: identity; ethnicity; interethnic relations; transformation of identity; post-Soviet period; Tuva; Tuvans; Khakassia; Khakassians; Republic of Altai; Altaians; sociological study

сознания людей, в немалой степени инициировав изменение ситуации межэтнического взаимодействия как в стране в целом, так и в отдельных регионах в частности.

На рубеже 1980–1990-х гг. активно обесценивалась и, в конце концов, вместе с распадом СССР исчезла объединявшая неоднородный советский социум надэтническая советская идентичность. Исчезновение прежней консолидирующей идентичности и фактическое отсутствие на тот момент ясной альтернативы советскости вызвало у большей части населения страны ощущение психологического дискомфорта, делая практически неизбежным обращение к традиционным механизмам обретения чувства общности — этнической идентичности, закономерно усиливавшим фактор этничности в межэтническом взаимодействии. Это способствовало появлению в общественно-политическом дискурсе и научной литературе точки зрения, согласно которой постсоветская Россия переживает бум этничности и традиционализма, обладающих значительным конфликтогенным зарядом. Целым рядом отечественных и зарубежных авторов подчеркивалось, что современные социокультурные конфликты — это конфликты идентичностей, основанием которых являются непреодолимые противоречия традиционалистских и посттрадиционных мировоззренческих систем (Геллнер, 2002: 147; Авксентьев, Аксумов, 2006: 12; Попов, 2011). Высказывались опасения, что актуализация этничности в условиях незавершенности процесса формирования новой гражданско-национальной российской идентичности станет причиной обострения социокультурных конфликтов, фундаментом которых являются противоречия ценностных систем и идентичностей, взглядов и убеждений населения полиэтничной страны.

Впрочем, не все исследователи соглашались с такой точкой зрения, отмечая, что применительно к процессам пореформенного периода в России речь должна идти о неклассических типах этнического возрождения и традиционализма, обладающих высоким потенциалом конвергенции и модернизации. Следовательно, уместнее было бы говорить об объективном и функциональном противоречии идентичностей, взглядов и убеждений россиян, нежели о конфликте (Гидденс, 2004; Дробужева, 2010: 442).

В таком контексте представляется весьма важным и интересным обратиться к анализу содержания процессов трансформации структуры идентичностей жителей постсоветской России и их влияния на характер межэтнического взаимодействия. Это особенно актуально в тех регионах, где представители разных этносов взаимодействуют ежедневно, что называется — лицом к лицу. Одним из таких регионов является Южная Сибирь, к которому относятся республики Тыва, Алтай и Хакасия.

Каково содержание процессов трансформации структуры идентичностей жителей Южной Сибири? Действительно ли происходит усиление значимости тра-

диционных идентичностей (прежде всего — этнической) и является ли оно причиной эскалации конфликтности межэтнических отношений? Эти и некоторые сопутствующие вопросы составляют предмет нашего анализа.

Трансформации структуры идентичностей и межэтнические отношения в пореформенный период 1990–2010-х гг.: общероссийский и региональный контекст

Прежде чем анализировать данные эмпирических исследований в регионе, обратимся к характеристике общероссийских тенденций. Как отмечают исследователи, эскалация напряженности и в целом изменение ситуации межэтнического взаимодействия во многом является следствием практик формирования на протяжении шестидесяти лет внутренне противоречивой советской идентичности (Попов, 2011: 21). Суть противоречия заключалась в том, что официально «интернациональная» советскость, по мнению В. Малахова, А. Вишневого и др., в реальности (за исключением периода интернационализма 1920-х гг.) строилась на вполне четкой этнокультурной и политической основе — русской (Вишневский, 1998: 288; Малахов, 2001: 10). В результате возникло общество советских людей с бинарным (советскость/этничность), а порой и конфликтным самосознанием. В то же время, основанная на принципах этатизма и интернационализма советская идентичность вовсе не отменяла значимости этнических и локальных идентичностей в повседневности.

Коллапс советского общества и государства для этнически русского населения страны, обладавшего повышенным статусом и успевшего отчасти нивелировать собственную этничность, обернулся ситуацией, мягко говоря, растерянности. Если для представителей большинства этнических общностей проблема возрождения собственного самосознания решалась через актуализацию идей суверенитета, культурного и этнического самоопределения, то русские, фактически потерявшие идеологическую опору собственного самосознания, особенно в регионах, с целью обретения «почвы под ногами» чаще обращались к внеэтническим идентичностям (локально-поселенческой, российской, региональной и др.).

Проводимые в Южной Сибири социологические исследования Г. Г. Котожекова (1994–1997 гг.), Ю. В. Попкова, В. Г. Костюк, В. Н. Тугужековой (2003–2014 гг.), Л. В. Анжигановой (1994–2013 гг.), Н. А. Бухариной (2007 г.) и др., прямо или косвенно касавшиеся вопросов трансформации структуры идентичностей (применялись разные методики и выборки), в целом подтверждают обозначенную тенденцию. В период 1990–2010-х гг. региональная и республиканская идентичности были актуальнее российской, как впрочем, и этнической идентичности (Жители Хакасии о своей жизни ..., 1994; Межнациональные отношения в Хакасии ..., 1997; Этносоциальная ситуация ..., 2006). Например, в Хакасии в 2007 г. российская (28,6%) и республиканская (24,0%) идентичности были выражены

практически в равной степени и заметно уступали в значимости регионально-поселенческой (33,4%). Актуальность этнической, как и космополитической идентичности, отметили лишь 6,8% (Религиозно-нравственное сознание ... , 2007: 133). Приоритет республиканской идентичности, становившейся более значимой для «коренных этносов», нежели десятилетиями отодвигавшаяся на второй план и старательно нивелировавшаяся этничность, легко объясняется трендом суверенизации, сопровождавшим деактуализацию советскости. Доминирование региональной идентичности также легко объяснимо, если учесть, что, например, в Хакасии доля русских составляла около 80,2% населения. Несколько иной ситуация была на Алтае и в Туве, где русских было порядка 57,4% и 20,1% соответственно (Население отдельных ... , Электр. ресурс).

Результаты региональных опросов коррелируют с данными общероссийских исследований, согласно которым к периоду 2008–2010 гг. в структуре идентичностей россиян европейской части страны (Центральный и Северо-Западный регионы, Поволжье и Урал) доминировала российская идентичность (от 61% до 75% опрошенных). В то же время российская идентичность явно теряла в актуальности по мере продвижения с Запада на Восток. Идентифицирующих себя с россиянами в регионе Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке было уже не более 51% (Дробижеева, 2010: 430).

Обозначенные тенденции оказали определенное негативное воздействие на характер межэтнической ситуации. Как отмечают исследователи, межэтническая напряженность на почве бытового национализма и миграционных процессов в середине 1990-х гг. в регионе достигала пиковых значений, однако редко обострялась до открытых конфликтов (Балакина, 1999: Электр. ресурс; Попков, Костюк, Тугужекова, 2003: 50; Тышта, 2013). В период с 1994 по 2005 гг. оценки состояния межнациональных отношений в регионе носили уже по большей части положительный характер.

За эти годы, например, в Хакасии с 43% до 74% увеличилась доля тех, кто оценивал состояние межнациональных отношений как стабильное; с 35% до 21% уменьшилось число респондентов, отмечающих напряженность. Однако в кризисный период 2005–2011 гг. ситуация изменилась в худшую сторону, и доля респондентов, считающих межнациональные отношения благоприятными, снизилась с 74% до 42,5% (соответственно по годам) (Этносоциальная ситуация ... , 2005; Неотрадиционализм ... , 2013). Порядка 18% в 2005 г. и 41,5% в 2011 г. ощущали межнациональную напряженность, 3% и 4,5% соответственно отметили сильную межнациональную напряженность. В Туве, как и на Алтае, после серии межэтнических конфликтов периода 1980–1990-х гг. исследователями также отмечены тенденции деэскалации напряженности. В начале 2000-х гг. в Туве наблюдалось усиление положительных оценок характера межэтнического взаимодействия (36% у русских и 24% у тувинцев, при 11% негативных оценок у тех и других) (Балакина, 1999: Электр. ресурс).

Структура идентичностей и характер межэтнических отношений в оценках жителей региона в период 2013–2015 гг.

В 2013–2015 гг. нами осуществлялись эмпирические исследования процессов трансформации структуры идентичности жителей региона и их влияния на оценки характера межэтнических отношений (с применением квотной выборки пропорционально численности жителей). Это: социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511), выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ по проекту: «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект» (№ 14.124.13.2456-МК, выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); социологическое исследование (2015 г.) в рамках проекта «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00493), выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.).

Анализ данных исследований выявил уже иную картину. Так, результаты опроса 2013 г. продемонстрировали, что в структуре идентичностей опрошенных — жителей региона, российская идентичность превалирует (32,3%), на втором месте была республиканская (21,7%), а на третьем — поселенческая идентичность (15,8%). Несколько уступая в актуальности поселенческой, региональная (сибирская) идентичность была на четвертой позиции (11,9%), а этническая лишь на пятой (10,6%). Космополитическая (глобальная) идентичность в иерархии идентичностей была на шестой позиции (6,6%) (Аксютин и др., 2013: 107). Следует отметить, что идентифицировали себя в первую очередь с жителями России (37%) по большей части русские респонденты. В то же время в целом процент идентифицирующих себя с россиянами в Южной Сибири почти в два раза ниже, чем в западной части России. В значительно меньшей степени (порядка 25%) российская идентичность была значимой для тюркских этносов региона: хакасов, тувинцев и алтайцев, в структуре идентичностей которых превалировала республиканская идентичность (хакасы — 35,5%, тувинцы — 27,4%, алтайцы — 21,6%). Интересно отметить и тот факт, что этническая идентичность на первом месте была лишь у алтайцев (37,8%), в структуре идентичностей хакасов она занимала пятую позицию (10%), у тувинцев четвертую (15%), а у русских — последнюю (6,8%). Значимость республиканской идентичности для тюркских этносов и региональной, как, впрочем, и поселенческой для русских, объясняет-

ся целым рядом ранее отмеченных нами факторов, среди которых: тренд суверенизации и концепции национально-этнических автономий 1990-х гг.; практики интернационализации советского периода и т. д.

Межэтнические отношения в регионе в 2013 г. как самими респондентами, так и экспертным сообществом описывались по-прежнему в терминах «стабильной напряженности». Благоприятными межэтнические отношения сочли 46,5% респондентов. Скрытую напряженность ощущали 40%, наличие сильной напряженности отметили 6%, и затруднились с оценкой 7,5% респондентов. Принятие в расчет этнической принадлежности респондентов позволяет говорить, что наиболее встревоженными складывающейся ситуацией межэтнического взаимодействия были тувинцы, 7,5% которых отметили наличие сильной напряженности. У представителей иных этнических групп доля подобных оценок укладывалась в рамки 1–5%. Тем не менее, 54,1% алтайцев и 42,2% русских отметили наличие скрытой напряженности. Максимально позитивные оценки дали хакасы, 58,2% которых отметили, что межэтнические отношения благоприятны. Эксперты также оценили межэтническую обстановку в регионе как относительно спокойную (Попков, Персидская, 2014: Электр. ресурс). В то же время были отмечены и локальные конфликты в притаежных районах Хакасии и Алтая, связанные с притоком в регион трудовых мигрантов из Средней Азии, составивших конкуренцию местным жителям в сфере сезонных заготовок.

Экономически сложный для страны в целом и региона в частности 2014 г. был отмечен и некоторыми подвижками в структуре идентичностей жителей и оценках характера межэтнического взаимодействия. Российская идентичность, как и прежде, оставалась актуальной почти для трети опрошенных (30,0%), что сопоставимо с результатами опроса 2013 г. (исследование по методике и выборке 2013 г.). Однако, если с россиянами себя идентифицировали по-прежнему 37% этнически русских, то доля таковых среди хакасов снизилась до 24,1%, тувинцев — 22%, а алтайцев — 10% (против 24–25% в 2013 г.). Иными словами, российская идентичность «потеряла в весе» от 2% до 10% (Аксютин, 2015: 28–56). На второй позиции в иерархии идентичностей населения региона, как и в 2013 г., была республиканская идентичность (в среднем — 20,6%), которая, несколько усилив свои позиции, по-прежнему занимала первую строчку в иерархии идентичностей у хакасов (41,4%), тувинцев (31,2%) и алтайцев (36,2%). Поселенческая идентичность заняла третью позицию (15,1%) и демонстрировалась в основном русскими. Этническая идентичность, по результатам опроса 2014 г., переместилась с пятой на четвертую позицию (11,1%). Впрочем, увеличение числа отметивших приоритетность этнической идентичности (0,5%) с легкостью укладывается в рамки погрешности и объясняется не столько усилением ее позиций в структуре идентичностей жителей региона, значимость этничности для которых осталась в значениях 2013 г., сколько ослаблением занявших пятую строчку региональной и глобальной идентичностями (по 10%). Доля не определившихся составила 2,6%.

Анализ индекса напряженности и конфликтности выявил усиление негативных оценок характера межэтнического взаимодействия в 2014 г. С 46,5% в 2013 г. до 38,9% в 2014 г. снизилась доля опрошенных, считающих межнациональные отношения в регионе благоприятными. Число отметивших наличие скрытой напряженности практически не изменилось (в 2013 — 40%, в 2014 — 39%), а сильную напряженность отметили уже 11,2% респондентов (против 6% в 2013 г.). Увеличилось и число «затрудняющихся» с определением характера межнациональных отношений (7,5% в 2013 г. и 10,9% в 2014 г.), что также может свидетельствовать об усилении негативных оценок содержания межэтнических отношений в регионе. Напряженность и сильную напряженность отмечали порядка 40% представителей самых многочисленных этносов в регионе. Сильную напряженность отметили в основном этнически русские респонденты (13,2%), напротив, алтайцы сильной напряженности не отметили вовсе (хакасы — 6,9%; тувинцы — 8,3%). Представители хакасского этноса отметили наличие скрытой напряженности (58,6%), а более 40% тувинцев и алтайцев сочли межэтнические отношения благоприятными (русские — 36,2%; хакасы — 24,1%).

В сложной обстановке 2014 г. экспертные прогнозы развития ситуации в сфере межэтнического взаимодействия делились на умеренно и крайне негативные. Однако результаты опроса 2015 г. не подтвердили пессимистических настроений. В структуре идентичностей жителей региона коренных изменений не произошло. Российская (32,2%) и республиканская (23,5%) идентичности подтвердили стабильность своих позиций. Третью позицию заняла региональная (15,1%), а четвертую — поселенческая (12%) идентичность. Без изменений остались и характеристики «носителей». Российская идентичность была приоритетна в первую очередь для русских (43,8%) и в значительно меньшей степени для представителей тюркских этносов региона: хакасов (11,3%), тувинцев (30,9%) и алтайцев (22,4%), в структуре идентичностей которых по-прежнему превалировала республиканская идентичность (хакасы — 38,8%, тувинцы — 33,7%, алтайцы — 29,3%). Этническая идентичность, занимая пятую позицию в усредненной иерархии идентичностей жителей региона (9,8%) утратила свои позиции по сравнению с результатами опросов 2013 — 2014 гг. (алтайцы — 15,5%, хакасы — 26,3%, тувинцы — 9,3%, русские — 2%). Приоритет космополитической идентичности отметили 5,6% опрошенных.

Оценки характера межэтнических отношений также внушали оптимизм. В 2015 г. (исследование по методике и выборке 2013 г.) более половины (52,7%) респондентов сочли межнациональные отношения в регионе благоприятными. Напомним, что в 2014 г. таковых было лишь 38,9%. Наличие скрытой напряженности отметили 32,7% опрошенных против 39% в 2014 г., а сильную напряженность уже только 3,3%. Затруднились с определением характера межнациональных отношений 11,3% респондентов. Принятие в расчет этнической принадлежности респондентов позволяет говорить о снижении уровня встре-

воженности всех этнических групп региона. В то же время наличие скрытой напряженности отметили почти половина (48,1%) опрошенных — хакасов, порядка 30% алтайцев, по 27% респондентов русских и тувинцев.

Иными словами, жесткой взаимосвязи между процессами трансформации структуры идентичностей жителей региона и динамикой оценок характера межэтнических отношений, по крайней мере, на современном этапе обнаружить не удалось.

В таком контексте представляется весьма интересным рассмотреть причины обострения межнациональной напряженности, которые отмечали сами респонденты.

Среди причин обострения межнациональной напряженности респонденты в 2013 г. выделили, прежде всего, миграцию из других районов страны и зарубежья (17,9%). Антимигрантские настроения в 2014 г. были на уровне 26,6%, а в 2015 г. уже 30,6%. И напротив, если бытовой национализм как основной фактор эскалации межэтнической напряженности в 2013 г. отмечали порядка 13,6% опрошенных, то в 2014 г. таковых среди опрошенных было уже 29%, а в 2015 г. — 35%. Весьма любопытным является тот факт, что вопреки прогнозам за весь рассматриваемый период проблемы в экономике или политике в качестве основного фактора эскалации межэтнической напряженности отмечали не более 10–12% опрошенных.

Заключение

Таким образом, результаты анализа влияния процессов трансформации структуры идентичностей жителей Южной Сибири на характер межэтнических отношений позволяют сделать вывод, что актуализация в постсоветский период региональной, поселенческой, республиканской и этнической идентичностей, оказывало (и продолжает оказывать) определенное, но не определяющее воздействие на характер и оценки напряженности межэтнических отношений в регионе. Отмечаемое наличие и стабильность напряженности межэтнических отношений сегодня определяется целым рядом факторов (экономические, политические, социальные) и имеет характер скорее объективного, функционального противоречия, нежели глубинного конфликта традиционных и посттрадиционных мировоззренческих систем, свидетельствуя в пользу версии о неклассических типах этнического возрождения и традиционализма, на основе целерационального отбора индивидуальной и групповой идентичности. А значит, попытки напрямую увязать рост этнического самосознания с усилением напряженности будут не совсем корректны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В. (2006) «Конфликт цивилизаций» как смещенный конфликт идентичностей // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 46–42. С. 5–12.

Аксютин, Ю. М., Анжиганова, Л. В., Никитин, А. П. (2013) Неотрадиционализм в условиях глобализации. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 103 с.

Аксютин, Ю. М. (2015) Российская национальная идентичность: региональные особенности формирования и перспективы развития // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. № 3 (63). С. 2852-2862.

Балакина, Г.Ф. (1999) Динамика социокультурных процессов в Туве в трансформационный период : Аннотация к отчету по результатам реализации проекта [Электронный ресурс] // Российский фонд фундаментальных исследований. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_138610 (дата обращения: 20.04.2016).

Вишневский, А. Г. (1998) Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ. 432 с.

Гидденс, Э. (2004) Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. : Весь мир. 116 с.

Геллнер, Э. (2002) Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М. : Праксис. 416 с. С. 146–200.

Дробижева, Л. М. (2010) Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. № 1. С. 429–442.

Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования по теме: «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1994). Абакан : Хакасское книжное издательство. 72 с.

Малахов, В. (2001) Скромное обаяние расизма. М. : Дом Интеллектуальной Книги & Модест Колеров. 172 с.

Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1997) / отв. ред. Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. М. ; Абакан : ХРИПКиПРО Роса. 51 с.

Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись насе-

ления 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_2_04.xls (дата обращения: 20.04.2016).

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тугужекова, В. Н. (2003) Этноты Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск : Изд-во «Нонпарель». 128 с.

Попков, Ю. В., Персидская, О. А. (2014) Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7539-popkov-persidskaya.html (дата обращения: 12.04.2016).

Попов, М. Е. (2011) Конфликты идентичностей в посттрадиционной России : автореф. дис. ... д. ф. н. Ставрополь. 58 с.

Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития (2007). Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 208 с.

Тышта, Е. В. (2013) Межнациональные отношения в Хакасии: историографический обзор // Этносоциальные проблемы регионов Сибири : сборник научных трудов. Вып. 18 / ред. О. А. Гончарова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 108 с. С. 74–80.

Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания (2006) / под ред. Л. В. Анжигановой. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 96 с.

Дата поступления: 01.05.2016 г.

REFERENCES

Avksent'ev, V. A. and Aksiumov, B. V. (2006) «Konflikt tsivilizatsii» kak smeshchennyi konflikt identichnostei. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 46–42, pp. 5–12. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M., Anzhiganova, L. V. and Nikitin, A. P. (2013) *Neotraditsionalizm v usloviakh globalizatsii*. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 103 p. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2015) Rossiiskaia natsional'naia identichnost': regional'nye osobennosti formirovaniia i perspektivy razvitiia. *V mire nauchnykh otkrytii. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, no. 3 (63), pp. 2852–2862. (In Russ.).

Balakina, G. F. (1999) Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v Tuve v transformatsionnyi period : Annotatsiia k otchetu po rezul'tatam realizatsii proekta. *Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovani* [on-line] Available at: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_138610 (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Vishnevskii, A. G. (1998) *Serp i rubl' : Konservativnaia modernizatsiia v SSSR*. Moscow, OGI. 432 p. (In Russ.).

Giddens, E. (2004) *Uskol'zaiushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves' mir. 116 p. (In Russ.).

Gellner, E. (2002) Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa. In: *Natsii i natsionalizm*, ed. B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh et al.; transl. L. E. Pereiaslavitseva, M. S. Panin and M. B. Gnedovskii. Moscow, Praksis. 416 p. Pp. 146–200. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2010) Etnichnost' v sovremennom obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no. 1, pp. 429–442. (In Russ.).

Zhiteli Khakasii o svoei zhizni: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia po teme: «Sostoianie mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniiakh massovogo soznaniia» (1994). Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 72 p. (In Russ.).

Malakhov, V. (2001) *Skromnoe obaianie rasizma*. Moscow, Dom Intellektual'noi Knigi & Modest Kolerov. 172 p. (In Russ.).

Mezhnatsional'nye otnosheniia v Khakasii: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia po teme «Sostoianie mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniiakh massovogo soznaniia» (1997), ed. L. V. Anzhiganova and G. G. Kotozhekov. Moscow, Abakan, KhRIPKiPRO Rosa. 51 p. (In Russ.).

Naselenie ot del'nykh natsional'nostei po urovniu obrazovaniia po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii. *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 goda* [online] Available at: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_2_04.xls (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Kostiuk, V. G. and Tuguzhekova, V. N. (2003) *Etnosy Sibiri v usloviakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaiia ekspertiza)*. Novosibirsk, Nonparel'. 128 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Persidskaia, O. A. (2014) Sravnitel'noe issledovanie etnosotsial'nykh protsessov i etnonatsional'noi politiki v regionakh Sibiri. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 4 [on-line] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7539-popkov-persidskaya.html (access date: 12.04.2016). (In Russ.).

Popov, M. E. (2011) *Konflikty identichnostei v posttraditsionnoi Rossii : avtoreferat dissertatsii ... doktora filosofskikh nauk*. Stavropol'. 58 p. (In Russ.).

Religiozno-nravstvennoe soznanie naseleniia Respubliki Khakasiia: problemy i perspektivy razvitiia (2007). Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 208 p. (In Russ.).

Tyshta, E. V. (2013) Mezhnatsional'nye otnosheniia v Khakasii: istoriograficheskii obzor. In: *Etnosotsial'nye problemy regionov Sibiri : sbornik nauchnykh rabot*, vol. 18, ed. O. A. Goncharova. Gorno-Altai, RIO GAGU. 108 p. Pp. 74–80. (In Russ.).

Etnosotsial'naia situatsiia v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniiakh massovogo soznaniia (2006), ed. L. V. Anzhiganova. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 96 p. (In Russ.).

Submission date: 01.05.2016.

Библиографическое описание статьи:

Аксиутин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Aksiutin Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (accessed: ...).